

misterium

misterium

**ЭЛИЗАБЕТ
ДЖОРДЖ**

**В ПРИСУТСТВИИ
ВРАГА**

ТОМ 2

ЭКМО
Москва
2013

УДК 82 (1–87)
ББК 84 (7США)
Д 42

Elizabeth George

IN THE PRESENCE OF THE ENEMY

Copyright © 1996 by Susan Elizabeth George
This translation is published by arrangement with Bantam Books,
an imprint of The Random House Publishing Group,
a division of Random House, Inc.

Джордж Э.

Д 42 В присутствии врага : роман в 2 т. Т. 2 / Элизабет Джордж ; [пер. с англ. Е. Дод]. — М. : Эксмо, 2013. — 384 с.

ISBN 978-5-699-64938-9

Главный редактор бульварной газеты Деннис Лаксфорд получает анонимное письмо, в котором говорится, что, если он публично заявит о своем первенце, Шарлотта будет освобождена. Лаксфорд в недоумении: Шарлотта и есть его первый, внебрачный ребенок. Выясняется, что девочка действительно исчезла, однако ее мать, занимающая высокий пост в правительстве, категорически не желает привлекать к поискам полицию и вообще подозревает, что все это дело рук ее бывшего любовника с целью разрушить ее карьеру. В этой абсурдной ситуации Лаксфорд вынужден обратиться за помощью к эксперту-криминалисту Саймону Сент-Джеймсу. Однако похититель не желает ждать, он снова требует опубликовать статью с признанием Лаксфорда и на этот раз угрожает убить девочку...

УДК 82 (1–87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-64938-9

© Дод Е., перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Когда на следующее утро будильник разбудил Барбару Хейверс в половине пятого, она, как обычно, испуганно вскрикнула и резко села в постели, словно стеклянная оболочка ее сна разбилась не от звука, а от удара молотка. Барбара нащарила будильник и выключила его, моргая в темноте. Тусклый свет сочился в узкую щель между шторами. Барбара нахмурилась, поняв, что проснулась не на Чок-Фарм-роуд, но где — черт его разберет. Она восстановила в памяти вчерашний день: Лондон, Хильера, Скотленд-Ярд и автостраду. Потом она вспомнила ситцевые джунгли, кружевные подушечки, мягкую мебель, вышитые гладью сентиментальные афоризмы и обои с цветочным узором. Ярды цветочных обоев. Мили. Значит, это пансион «Приют жаворонка», заключила Барбара. Она в Уилтшире.

Барбара спустила на пол ноги и включила лампу. Щурясь от яркого света, нащупала в ногах кровати черную синтетическую ветровку, во всех путеше-

ствиях служившую ей халатом. Накинув ее, Барбара прошла к умывальнику, пустила воду и, собравшись с мужеством, посмотрела на себя в зеркало.

Она не могла решить, что хуже: вид ее опухшего со сна лица с вмятинами от подушки на щеках или отражение все тех же обоев в цветочек. В данном случае это были желтые хризантемы и розовато-лиловые розы, обвитые сиреневыми лентами, с голубыми — вопреки всем законам ботаники — и зелеными листьями. Этот очаровательный узор повторялся на покрывале и шторах. Барбара так и слышала, как все эти иностранцы, жаждущие пожить среди аборигенов, восторгаются совершенной английскостью пансиончика. «О, Фрэнк, именно таким мы всегда и представляли английский коттедж, правда? Как мило. Как очаровательно. Ну чистая прелесть».

Чистая пошлятина, подумала Барбара. И вообще, это даже не коттедж, а солидный кирпичный дом на самом краю деревни, на Бербейдж-роуд. Но о вкусах не спорят.

— Мама все отделала заново в прошлом году, — объяснил Робин, провожая Барбару в ее комнату. — Разумеется, под чутким руководством Сэма. — И закатил глаза.

Барбара познакомилась с ними обоими внизу, в гостиной: с Коррин Пейн и ее «новонареченным», как та называла Сэма Кори. Это была настоящая парочка воркующих голубков, что очень сочеталось

с общей атмосферой пансиона, и когда Робин через кухню ввел Барбару в гостиную, «молодые» постарались сразу же продемонстрировать ей свою взаимную преданность. Коррин была «ягодкой» Сэма, Сэм — «дружочком» Коррин.

Провожая Барбару наверх, Робин с несчастным видом оправдывал откровенные милованья матери и Сэма тем, что они только что обручились и поэтому немножко опьянены своими новыми отношениями.

Барбара подумала, что «немножко» — это еще слабо сказано.

Не дождавшись ее реакции, Робин принялся сокрушаться, что Барбару не поселили в пабе или в гостинице в Амсфорде. Но тут Барбара прервала его:

— Робин, все нормально. Просто отлично. А они... — «Приторны до неприличия», хотелось сказать Барбаре. Но она продолжила: — Они влюблены. — И прибавила: — Вы же знаете, как это бывает, когда влюбляешься.

Можно подумать, она сама знала.

Робин помедлил, прежде чем открыть дверь в ее комнату. Он как будто только что понял, что Барбара — женщина, отчего та, непонятно почему, смутилась. Робин вдруг засуетился, указал на соседнюю дверь — там находилась ванная. Потом открыл дверь в комнату Барбары и пробормотал:

— Надеюсь... Да. Ну, в любом случае спокойной ночи.

И, внезапно превратившись в угловатого юнца, торопливо покинул Барбару, предоставив ей «устраиваться».

Что ж, подумала Барбара, она устроилась, насколько это было возможно в комнате с такими обоями. Ее трусы и носки были разложены по ящикам. Свитер висел на крючке с внутренней стороны двери. Рубашки и брюки — в шкафу. Зубная щетка стояла в стакане рядом с раковиной.

Барбара энергично, по-утреннему, чистила зубы, когда раздался стук в дверь и запыхавшийся голос спросил:

— Готовы для утреннего чая, Барбара?

С пеной от пасты на губах Барбара открыла дверь — за ней с подносом в руках стояла Коррин Пейн. Несмотря на весьма ранний час, она была при полном параде, накрашена и искусно причесана. Если бы не другое платье и если бы ее светло-русые волосы не были уложены по-иному, Барбара решила бы, что женщина вообще не ложилась.

Дышала она с присвистом, но, войдя, улыбнулась и бедром закрыла дверь. Поставила поднос на комод и, отдуваясь, сказала:

— Придется передохнуть. — Прислонилась к комоду, сделала несколько вдохов. — Весна и лето. Хуже некуда. Вся пыльца в воздухе. — Она махнула в сторону подноса. — Чай. Пейте. Я сейчас приду в себя.

Полоща рот, Барбара подозрительно посматривала на женщину. Коррин сипела так, как сипит сдувающийся воздушный шар. Вот будет здорово, если она потеряет сознание, пока Барбара будет наслаждаться «Формозой Улуном».

Но через минуту, во время которой мимо ее двери протопали шаги, Коррин произнесла:

— Лучше. Значительно лучше. — И действительно, дышала она как будто легче. — Робби уже на ногах, и, как правило, чай приносит он. — Она налила чашку для Барбары. Напиток был крепким, цвета корицы на булочках. — Но я никогда не позволяла ему приносить утренний чай молодым леди. Нет ничего хуже, когда мужчина видит женщину утром до того, как она успеет привести себя в надлежащий вид. Я права?

Единственный опыт близости с мужчиной был у Барбары лет десять назад и не включал утро, поэтому она лишь сказала:

— Утро. Ночь. Мне все равно. — И плеснула в чашку молока.

— Это потому, что вы молоды и кожа у вас как персик. А... сколько вам лет? Ничего, что я спрашиваю, Барбара?

Барбара быстро прикинула, не сбросить ли парочку годков, но, поскольку вчера она уже сообщила свой возраст Робину, не было смысла лгать его матери.

— Очаровательно, — прокомментировала Коррин. — Я помню свои тридцать три.

И неудивительно, подумала Барбара, ведь самой Коррин явно не было и пятидесяти. Барбара никак не ожидала, что у Робина, почти ее ровесника, такая молодая мать. Значит, родила его совсем в юном возрасте.

Коррин продолжила:

— Сэм много старше меня. Вы заметили, да? Забавно, как все выходит. Я думала, что никогда не влюблюсь в лысеющего мужчину. У отца Робби было много волос. Заросли. Везде. — Она разгладила кружевную дорожку, покрывавшую комод. — Но он был так добр ко мне, в смысле, Сэм. Он с огромным терпением относится к этому. — Тремя пальцами она похлопала по впадинке между ключицами. — Когда он наконец сделал мне предложение, разве я могла отказаться? И это тем более к лучшему, что освобождает Робби. Теперь он сможет жениться на Селии. Она милая девушка, Селия. Просто очаровательная. Такая приятная. Знаете, она невеста Робби.

Мягкость в ее голосе не смогла обмануть Барбару, которая прочла в глазах женщины стальную решимость. Ей захотелось сказать: «Миссис Пейн, не волнуйтесь. Я не стану охотиться на вашего сына, и даже если бы стала, он вряд ли поддастся бы моим сомнительным чарам».

Вместо этого, сделав глоток чая, она произнесла:
— Сейчас я быстренько оденусь и буду готова через пару минут.

Коррин улыбнулась.

— Прекрасно. Робби готовит вам завтрак. Надеюсь, вы любите бекон.

И, не дожидаясь ответа, она удалилась.

Внизу Робин вышел из кухни со сковородкой в руке, как раз когда Барбара шагнула в столовую. Он переложил на ее тарелку два яйца и, глянув в окно, где, по мнению Барбары, небо все еще было по ночному черным, сказал:

— Скоро рассвет. Нам надо от него не отставать, если вы по-прежнему хотите попасть на канал к пяти.

Барбара, накануне вечером выразившая желание увидеть место обнаружения тела в то время суток, когда оно предположительно попало в воду, принялась за еду. Она буквально проглотила два яйца, собирая желток тостом. Набила рот беконом, запила все это апельсиновым соком и с любопытством посмотрела на часы. Три минуты на удовлетворение гастрономических потребностей. Определенно, новый рекорд.

По дороге к месту преступления Робин был подавлен. К своей вящей радости, Барбара выяснила, что он курит, поэтому они закурили, с удовольствием наполнив «эскорт» Пейна канцерогенами, и несколько минут молча втягивали никотин. Потом

Пейн свернул с Мальборо-роуд на узкую дорогу, огибавшую деревенскую почту и уходившую в поля.

— Я долго работал там, — внезапно сказал он, кивнув на здание почты. — Привык считать, что застрял там навсегда. Поэтому и пришел так поздно в полицию. — И быстро добавил: — Но я окончил специальные курсы, чтобы попасть в уголовный отдел.

— Первое расследование, — сказала Барбара, — всегда самое трудное. Мое было таким. Я думаю, вы отлично справитесь.

— У меня было пять высших оценок, — серьезно заявил он. — Я даже думал поступать в университет.

— Почему не стали?

Он стряхнул пепел в щелочку приоткрытого окна.

— Из-за мамы, — ответил он. — Ее астма то лучше, то хуже. У нее бывали очень серьезные приступы, и я не мог оставить ее одну. — Он глянул на Барбару. — Видимо, у вас создается впечатление, что я маменькин сынок.

Только не у меня, подумала Барбара, вспомнив о своей матери. Но сказала лишь:

— Теперь у нее есть Сэм, поэтому у вас на горизонте замаячила свобода, да?

— Вы имеете в виду нашего «дружочка»? — с сарказмом осведомился он. — О да. Конечно. Если дело закончится браком, я буду свободен. Если дело закончится браком.

Он говорил как человек, который уже не раз обманывался в своих надеждах.

Они въехали на мост, перекинутый через канал Кеннета и Эйвона.

— Уилкот, — произнес Робин, указывая на крытые тростником коттеджи, протянувшиеся вдоль канала, как бусины примитивного ожерелья. И добавил, что место назначения уже недалеко.

Барбара посмотрела на часы на приборной доске: четыре пятьдесят две. Точно по расписанию, подумала она.

Когда они въехали в Аллингтон, небо вместо черного стало серо-сизым.

— Мы приближаемся, — сказал Робин.

Но прежде чем продолжить путь, объехал вокруг деревни, чтобы показать Барбаре две дороги, подходящие к ней со стороны шоссе. Одна из них шла мимо Парк-фарм и полудюжины грубо оштукатуренных домов с красными черепичными крышами. Вторая, более близкая к Уилкоту и дороге, по которой приехали они, проходила через Мэнор-фарм, укрывшуюся за кирпичными, увитыми зеленью стенами.

Дороги сливались в ухабистый проселок, и по этому-то проселку, по которому они теперь тряслись (Робин извинился за подвеску своей машины), до места обнаружения тела было еще полторы мили.

Барбара, старавшаяся примечать детали, рассеянно кивнула. Даже в пять утра в трех домах горел

свет. На улице никого не было, но если неделю назад в такой же час здесь проехала машина, кто-нибудь мог ее услышать, увидеть, и требовались только правильно поставленные вопросы, чтобы освежить память свидетеля.

— Ваши сотрудники обошли эти дома? — спросила она.

— Первым делом.

Робин переключил скорости, машина неудобно накренилась, и Барбара ухватила за приборную доску.

— Наверное, еще раз придется с ними со всеми поговорить.

— Можно.

— Они могли забыть. Кто-нибудь должен был уже встать. Сейчас люди уже на ногах. Если проезжал автомобиль...

Робин присвистнул сквозь зубы, как бы сомневаясь, но не желая облечь сомнения в слова.

— Что? — спросила его Барбара.

— Вы забываете, — сказал он. — Тело бросили утром в воскресенье.

— И что?

Он сбросил скорость, чтобы преодолеть яму размером с воронку от снаряда.

— Вы же городская. Воскресенье в деревне — день отдыха, Барбара. Фермеры встают до зари шесть дней в неделю. А на седьмой день они делают то, что повелел Бог, и позволяют себе поваляться в

постели. Встают они, вероятно, к шести тридцати. Но в пять? Только не в воскресенье.

Барбара ругнулась.

— Да, это дела не облегчает, — согласился он.

Там, где дорога поднималась к мосту, Пейн резко свернул влево и выключил двигатель, который, чихнув три раза, замолчал. Они вышли на утренний воздух.

— Туда, — показал Робин и повел ее на другую сторону моста, где откос, густо поросший травой, спускался к тропинке, идущей вдоль канала.

Здесь в изобилии росли камыши и множество полевых цветов, усеивавших темно-зеленые берега розовыми, белыми и желтыми звездочками. Из камышей поднялись вспугнутые ими утки, и их внезапные крики казались единственными звуками на много миль вокруг. К западу и востоку от моста у берега стояли на якоре два катера, и Робин объяснил, что это туристы. Их не было здесь, когда нашли тело. Их не будет здесь завтра.

— Идут вверх до Брэдфорда-на-Эйвоне, — сказал он. — В Бат, Бристоль. Эти катера ходят по каналу с мая по сентябрь. Останавливаются только на ночь, где можно пришвартоваться. В основном горожане. — Он улыбнулся. — Как и вы.

— А где они берут катера?

Робин достал сигареты, предложил Барбаре. Дал прикурить от спички сначала ей и, прикрывая пла-